

условием педагогической культуры, педагогической компетентности и фактором профилактики профессиональных деструкций педагога. И. Н. Емельянова (Тюмень) подчеркнула в своем выступлении, что толерантность являясь профессионально значимым качеством педагога, требует серьезного осмысления и развития в педагогической среде. И. Е. Видт проанализировала проблему толерантности в контексте культурной эволюции и сделала вывод о необходимости возведения толерантности в статус общественной ценности.

Выслушав и обсудив все точки зрения, ученые сошлись во мнении, что базой для проявления экстремизма выступает негативное взаимодействие, заключающее в себе противоречия и различия сторон. В ходе дискуссии профессор В. А. Мансуров (Москва) заметил, что толерантность должна иметь свой механизм проявления — общественное мнение. Узаконенное общественное мнение может быть выражено в политических документах и должно использоваться в целях регулирования человеческих отношений. Человек не является экстремистом по своей природе, — подобное поведение провоцируется соответствующей ситуацией, разрешение которой зависит от способности сторон уважать позиции друг друга, умения строить партнерские отношения и стремления к равноправному диалогу.

*Жан Терентьевич ТОЩЕНКО —
член-корр. РАН, главный редактор
журнала «Социологические
исследования», заведующий кафедрой
социологии Российского
государственного гуманитарного
университета, доктор философских
наук, профессор*

ПОЛЮСНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ НА ПУТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Генетически в России с незапамятных времен всегда искали мешающих, «поперечных», стоящих «на пути прогресса». Опричники Ивана Грозного, расправы Петра Великого, тащившего Русь из варварства варварскими методами, чистки Екатерины II, дворцовые перевороты и околослужебные интриги в XIX и XX веках — все так или иначе связано с тем, что можно отнести только к двухцветному восприятию действительности — черное и белое. Другие оттенки практически не воспринимались. Поэтому неудивительно, что в советский период так быстро было усвоено рекомендованное стандартное правило: «Тот, кто не с нами, тот против нас». Сознание большинства людей было сориентировано на то, что тот, кто не с большинством, а главное, не с тем, кто у власти, не имеет право на свое восприятие действительности.

Трагедия состоит в том, что стремление во что бы то ни стало навязать другим людям свое представление об окружающем мире, ценность, бесспорность и исключительность собственного мнения и обязательно заставить их думать так и никак иначе, переломить ход событий в свою пользу, присуще не только тем, кто обладает властью или стремится к ней, но едва ли не всему населению и особенно интеллигенции нашей нестандартной страны.

Данные правила игры диктуют свою логику поведения. Почти вся советская история полна тем, что с кем-то постоянно и непременно боролись: то с тайными вредителями, то с врагами народа, то с «бездарными очернителями», то с «безродными космополитами». Наша история представляет непрерывную цепь поиска врагов, которых надо было непременно устранить. И даже в период перестройки, особенно на ее финише, врагов пытались обнаружить в лице народных фронтов, новых партий, которые были виноваты в том, что мыслили по-другому. После августа 1991 г. победившие не остались в долгу: был изобретен очередной враг в виде красно-коричневых, коммуно-фашистов, которых де непременно следует обязательно устранить с политической арены. Опасно не разное видение перспективы — страшно и опасно то, что каждый настаивает на своем пути и своем понимании как на единственно правильных и ради этого готов на все, чтобы стереть с лица земли всякое возражение, всякое несогласие. Складывается парадоксальная ситуация: все ратуют за толерантность, уважение к другому мнению и суждению и в то же время все делается для того, чтобы от этой гражданской терпимости избавиться.

В этой связи необходимо сказать о критериях различия между врагом и оппонентом.

Во-первых, по отношению к оппоненту стараются понять его логику, его доказательства. Увидеть не только слабые, но и сильные стороны, его аргументацию, желая учесть его предложения и использовать в том или ином виде. По отношению к врагу известен и распространен только один метод — **искажать его информацию, преувеличивать одно, замалчивать другое** — в общем, создать из противостоящего тебе члена общества, другой группы или общности злоумышленника, вредителя, противника прогресса и всех людей.

Во-вторых, если по отношению к оппоненту применяется принцип уважения как к лицу, имеющему иное мнение, то по отношению к врагу это уважение исключается, как и его право на свое особое мнение. В лучшем случае имеющаяся информация упаковывается в свое понимание действительности, препарируется или в ней выпячивается то, что нужно для непримиримой борьбы. Особенно свирепы и плотоядны публичные столкновения политических партий в ходе избирательной борьбы, в ходе которой демонстрируется полное неуважение к политическому противнику и острое желание оскорбить человека (группу, партию), придерживающуюся иных ориентаций и интересов.

В-третьих, с оппонентом обычно ведут дискуссию — научную, деловую, производственную — в порядке сопоставления и сравнения информации. По отношению к врагу все это приобретает вооруженно-политизированную окраску, когда выясняется не истина, а преследуются своекорыстные, корпоративные, групповые цели. Для этого широко используется демагогия, стремление унижить, опорочить иные взгляды и действия. Таких крайностей более чем достаточно, когда стремятся реализовать любые ультраустановки и ориентации. И пусть таких людей немного — по несколько процентов в любой социальной группе, но они крикливы, шумливы и не скупятся на самые крепкие эпитеты и оскорбления. Парадоксально только то, что даже в социальной группе тех, кто относит себя к интеллигенции, число непримиримых резко возрастает. Именно среди называющих себя разумными существами, совестью нации число лояльно мыслящих по отношению к другому мнению не так уж значительно, как этого бы хотелось.

В-четвертых, если в дискуссии с оппонентом используется язык диалога, переговоров, то с врагом — язык ультиматумов. В чем-чем, но тут мы поднаторели. И как ни прискорбно, это присуще и власть предержащим и на власть претендующим. Разлита эта ультимативность и в сознании большинства населения: «Пусть будет так, а не иначе». В такой ситуации многие люди ориентируются только на один-единствен-

ный «верный» путь, который они считают единственно правильным. До сих пор каждый пятый-шестой человек — от 16 до 19% (данные ВЦИОМ) — заявляет, что для разрешения волнующих проблем (рост цен, падение уровня жизни) он готов прибегнуть к митингам, демонстрациям и другим активным формам протеста.

И, наконец, самое опасное, когда начинают искусственно поддерживать ненависть, когда при отсутствии видимого противника придумывается образ врага, и на него начинают навешивать все беды и все просчеты, вменять в вину все, даже то, что является результатом собственных ошибок. Вся история нашей страны, в том числе и в постперестроечный период, — это непрерывные попытки найти козла отпущения.

Власти с завидной последовательностью изобретали и изобретают силы, противостоящие им.

Население тоже не остается в долгу. Для него врагом выступает мафия (мнение 70%), коррумпированная часть государственного аппарата (56%), новые экономические структуры (мнение 35%). Единственное, что утешает, это то, что сознание народа не изобретает мифических врагов, а ищет их среди тех, с кем сталкивается в реальной жизни.

Стоит сказать, что в зависимости от характера противостояния — враг или оппонент, у врага замечается даже соринка в глазу, а затем преувеличивается, гипертрофируется, доводя это до фальсификации, до абсурда. Этим отрезается всякий путь к обмену информацией, согласованию точек зрения и даже к возможной, приемлемой для обеих сторон смене позиций. Не менее распространен и такой прием, когда искажается всякая информация, исходящая от противостоящей стороны, или ей навязывается свое представление о действительности. Нередко практикуется использование ярлыков, а также язык ультиматума, отказ от всех форм диалога. Очень вредит делу установления конструктивного диалога заданность, окончательность, которые выдаются участниками политического или иного процесса как нечто не подлежащее никакому сомнению. Таким образом, сначала формулируется определенное представление о цели, средствах и методах ее решения, а другим участникам предлагается принять его как единственно правильное, бесспорное, истинное.

Иначе говоря, в такой ситуации общественное сознание всегда поражено синдромом образа врага, — какого — безразлично, но именно врага, который де стоит на пути благополучия общества и каждого среднестатистического гражданина.

Парадокс данной ситуации состоит в том, что, с одной стороны, общество и многие люди провозглашают право на иную точку зрения. Но, с другой, — эту иную точку зрения они нередко характеризуют как противоречащую здравому смыслу и нормальному ходу дела и поэтому не имеющую права на существование. На практике до большинства людей по-прежнему плохо доходит, что иная точка зрения имеет такое же право на существование, как и та, которая поддерживается на официальном уровне или другой группой людей. И вот мы в который раз сталкиваемся с неистребимым атавизмом, хотя конец ему предрекали уже не раз: «Я знаю, что народ хочет» или «Я всегда прав». И корень этого устойчивого отвержения — в тех социально-психологических характеристиках, которые присущи большинству людей. Слишком глубоко, возможно, на уровне подсознания, засело в общественном сознании чувство врага. И от него обществу трудно избавиться. Возможно, только в следующем поколении и даже еще позже.

И все же предстоит формировать всем без исключения убежденность, что возможно не просто существование иной точки зрения, а ее равноправность, равноценность своей собственной, одинаковый уровень претензии на возможность ее высказать, быть услышанным, сравнить с иным мнением и в соответствии с этим действовать.

Стоит напомнить, что эту болезнь можно лечить и при помощи поиска ответа на вопрос: а как строить отношения меньшинства и большинства? Опыт показывает, что, отвергая мнение меньшинства, господствующая точка зрения себя обедняет, нарушает баланс сил, не дает импульса для сохранения и отстаивания позиции тех, чье мнение может через определенное время победить. В такой ситуации требуются специальные усилия, чтоб меньшинство сделать оппонентом (в политической жизни — официальной цивилизованной оппозицией), не превращать его во врага, когда его мнения и идеи отвергаются с порога. Однако такой подход не следует абсолютизировать, ибо, как пишет экс-главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков, если во всем без исключения руководствоваться этим принципом, учет мнения меньшинства при обсуждении гимна России может привести к тому, что мы должны «три куплета спеть под Александрова, а один под Глинку».

Не менее действенный способ — вынести различные точки зрения на обсуждение. Но это тоже прививается с трудом. Многие готовы умереть, но не допустить, чтобы их понимание, их трактовка подвергались сомнению. А если она и выносится на обсуждение (вот еще один парадокс), то ждут только одобрения, поддержки и подтверждения своей правоты.

Предстоит преодолеть люмпенизированную психологию у многих людей, которым присуще мышление весьма примитивными, «людоедскими» категориями типа «устранить», «запретить», «не допустить», «не позволить». А отсюда недалеко и до таких человеконенавистнических требований — «уничтожить», «стереть с лица земли», и если не физически, то морально. Этот радикализм всегда дружит с бедой. И человечество, в том числе и наша собственная история, знает немало тому примеров.

Но главное стоит в том, чтобы осознать, что оппонент — это выражение конструктивной оппозиции, особенно в официальных структурах, без которой невозможно нормальное развитие общества и государства. Без оппонентов в виде оппозиции трудно представить сопоставление различных точек зрения, выработку и корректировку своих ориентаций и, самое главное, готовность к тому, что оппозиция может сменить и стать у руля власти и так же достойно продолжать общее дело.

Это двухцветное восприятие действительности стало основой политического краха КПСС, забывшей или игнорировавшей в своем развитии важнейшее требование: только в споре, в сопоставлении идей возможно достижение Истины (и то относительной), что, в свою очередь, требует вечного продолжения поиска желательных эффективных решений.

Не менее амбициозны и нетерпимы высказывания и дела представителей радикал-либералов, которые отождествляют свою личную позицию с демократией, свободой, с «лучшими достижениями Запада». В такой ситуации поражают масштабы, с одной стороны, нетерпимости, с другой стороны, абсолютной непогрешимой уверенности, что только их идеи являются воплощением истины. Но далеко ли в такой ситуации они ушли от своих предшественников, которые так же с пеной у рта доказывали чуть ли не божественность (по крайней мере беспрекословность) своих мнений и суждений?

Преодолеть эту полюсность мышления, когда решается вопрос «или-или», может не только молчаливое согласие с существованием оппонентов (оппозиции), но и активное содействие возникновению спорных, альтернативных и сомневаемых точек зрения. Ориентация и поддержка, сосредоточение внимания на поиске одной единственной (совершенной, оптимальной) модели приводит к созданию «эффекта теплого одеяла», которое создает на определенный период комфортные условия, но из под которого все же предстоит выбраться в студеную реальную жизнь.